

Н. Д. КОЧЕТКОВА

«ЛЮБОСЛОВ» — СОТРУДНИК «СОБЕСЕДНИКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА»

Во II части «Собеседника любителей русского слова» появилось «Послание к господам издателям Собеседника от Любослова»,¹ в котором подвергались критике многие произведения, напечатанные в I части, в том числе «Фелица» Державина и даже «Записки касательно Российской истории» Екатерины II. Все замечания в основном имеют лингвистический характер и в большинстве случаев вполне справедливы. Однако издатели (Е. Р. Дашкова и Екатерина II), много говорившие о развитии русского языка, встретили эту критику очень неблагоприятно. Перед статьей Любослова было помещено небольшое вступление насмешливого характера, где отмечалось, что неизвестный автор «своих сочинений в замену неисправных не изволит обещать».²

Любослов, однако, поместил в VII части журнала свое собственное сочинение под названием «Начертание о Российских сочинениях и российском языке».³ Автор говорит здесь о древности русского языка, о его достоинствах, подбирает довольно удачные соответствия некоторых слов в русском и латинском языках. Вся работа проникнута патриотизмом, искренней заботой о развитии родного языка.

Анализируя эту статью с лингвистической точки зрения, С. К. Булич признавал, что многие положения Любослова «свидетельствуют об известной вдумчивости их автора и в более строгой формулировке могут быть приняты и современным языковедением».⁴ Н. А. Добролюбов указывал: «... из самого изложения дела видно, что автор серьезно занимался исследованиями филологическими».⁵

Оба выступления Любослова тотчас же вызвали целый град насмешек. На страницах «Собеседника любителей русского слова» началось прямое издевательство над Любословом, прежде всего со стороны самой Екатерины, а за нею и других, в том числе Дашковой.⁶

¹ «Собеседник любителей русского слова», СПб., 1783, ч. II, стр. 103—117. Дальше ссылки на этот журнал, выходявший в 1783—1784 годы, даются сокращенно: «Собеседник», часть...

² Там же, стр. 104.

³ Там же, ч. VII, стр. 142—161.

⁴ С. К. Булич. Очерк истории языковедения в России, т. I. СПб., 1904, стр. 286.

⁵ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I. ГИХЛ, М.—Л., 1934, стр. 78.

⁶ «Собеседник», ч. III, стр. 132—133, 142, 151; ч. IV, стр. 157; ч. VII, стр. 137; ч. VIII, стр. 28, 55—63, 152—155; ч. IX, стр. 10—16. См. также продолжение «Былей и Небылиц» и «Ежедневной записки общества незнаю-

Для императрицы автор статьи был только скучным «педантом», проявившим к тому же большую дерзость. По замечанию Я. К. Грота, он был «из критиков „Собеседника“ всех неприятнее издателям и сотрудникам».⁷

Насмешки вызывала серьезность Любослова и особенно его стиль, слишком торжественный и тяжеловесный. Посмеявшись над ним с бесцеремонностью сильного, Екатерина продолжала оставаться в своем ореоле «покровительницы просвещения». Политического значения выступлению Любослова, конечно, придавать незачем, но реакция на него со стороны императрицы очень показательна: здесь еще раз обнаружилась фальшь ее показных забот о развитии русского языка, русской науки и образования.

Из сказанного явствует, что Любослов — лицо, заслуживающее внимания исследователя. И действительно, в критической литературе уже давно было высказано несколько разных догадок о том, кому мог принадлежать этот псевдоним. В словаре И. Ф. Масанова (2-е издание) он приписывается академику И. И. Лепехину, а ссылка дается на указание Л. Майкова в статье «Несколько данных для истории русской журналистики».⁸ Но сам Майков, в свою очередь, опирается лишь на замечание митрополита Евгения о сотрудничестве Лепехина в «Собеседнике», где он якобы поместил много своих статей.⁹ Однако Н. А. Добролюбов справедливо считал, что митрополит Евгений мог ошибиться в данном случае, «как ошибся он, сказав, что в „Собеседнике“ помещена была речь кн. Дашковой, говоренная ею при учреждении Российской Академии».¹⁰ Кроме того, следует учесть, что И. И. Лепехин слишком много времени уделял научным путешествиям и обработке своих материалов. Деятельность его в области филологической науки сводилась в основном к участию в работе над составлением словопроизводного Словаря (будучи Непременным секретарем Российской Академии, он просто не мог остаться в стороне от этого большого дела), причем он толковал преимущественно слова, относящиеся к естественной истории.¹¹ А Любослов — это человек, который очень много и кропотливо занимался непосредственно филологией; следовательно, это едва ли мог быть Лепехин.

Ценные замечания по вопросу о принадлежности псевдонима высказал Я. К. Грот. Говоря о Лепехине и Румовском как о возможных авторах «Начертания», исследователь сам же указывает на малоосновательность таких предположений.¹² Правда, Я. К. Грот обращает внимание на слова Любослова о том, что «знание вещественных наук превосходит красоту речей» и делает из этого вывод: «Главным предметом его занятий была однако ж, по-видимому, не филология, а естествознание или математика».¹³ Далее Я. К. Грот отмечает, что метафоры Любослова предполагают знакомство его с оптикой и астрономией. Все это очень интересно, но требует некоторого уточнения.

щих», опубликованное по рукописи А. Н. Пыпиным в «Сочинениях императрицы Екатерины II» (т. V, Спб., 1903, стр. 161—163, 211—213).

⁷ Я. К. Грот. Жизнь Державина. Спб., 1880, стр. 328.

⁸ Л. Майков. Несколько данных для истории русской журналистики. Спб., 1876, стр. 38—39.

⁹ Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, т. II. М., 1845, стр. 10.

¹⁰ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 40.

¹¹ В. Поленов. Краткое жизнеописание И. И. Лепехина. «Труды Императорской Российской Академии», 1840, ч. II, стр. 205—216.

¹² Я. К. Грот. Жизнь Державина, стр. 331. При ссылке на эту работу И. Ф. Масанов по ошибке называет рядом с именами Лепехина и Румовского имя Н. П. Румянцева.

¹³ Там же, стр. 330.

Любослов не говорит о преимуществах какой-то определенной науки, но настойчиво проводит идею о том, что мысли важнее слов, что содержание имеет большее значение, чем форма: «Демосфены и Цицероны не столь красноречием своим, сколь силою и важностью чистого нравоучения обращали внимание к своим речам».¹⁴

Итак, вывод Я. К. Грота можно сформулировать иначе: Любослов, серьезно занимавшийся филологией, был достаточно хорошо осведомлен и в естественных науках.

Сделав эти ценные наблюдения, Я. К. Грот приписывает псевдоним Ивану Морозову, который в 1783 году служил в Кабинете при собственных делах и у принятия прошений при Храповицком. «Что ему не чужды были как словесные, так и естественные науки, — пишет Я. К. Грот, — видно из его двух переводов с немецкого „Сокращение всех наук“ и „Философическое рассуждение о перерождении животных“».¹⁵

Основа этого предположения — недатированное письмо Дашковой к Екатерине: «Я припоминаю теперь, что Ваше Величество третьего дня сказали мне, будто я рассердилась на Морозова, и так как из этого вы можете заключить о моем дурном расположении духа, то я должна объяснить Вашему Величеству всю правду. Я Морозова не знаю, и он почти одну меня щадил в своих критиках: из этого вы усмотрите, что я не имела причины на него сердиться и что мне напрасно приписывали это чувство».¹⁶

Однако есть соображения, ставящие под сомнение гипотезу Я. К. Грота. Во-первых, нужно помнить, что издатели часто сами не знали авторов присылаемых к ним статей, а в своих догадках нередко ошибались. Так, например, «Вопросы» Фонвизина приписывались сперва И. И. Шувалову, а произведения С. П. Румянцова — его брату Н. П. Румянцеву. Во-вторых, опровержение письма Дашковой относится, по всей вероятности, к декабрю 1783 года — периоду подготовки IX части журнала. В это время Екатерина проявляла немилость к Дашковой из-за ее разлада с Нарышкиным и забрала обратно свои статьи, предназначенные для «Собеседника». Дашкова в полной растерянности и смятении умоляла императрицу о прощении. Желая угодить государыне, она поместила в IX части свои «Записки разносчика», о которых Екатерина благосклонно заметила: «Читая статью разносчика, я готова была бы побожиться, что она вышла из-под моего пера».¹⁷ Но именно здесь, в этой статье, было немало насмешек в адрес Любослова. Значит эти насмешки радовали, а не раздражали Екатерину.

Таким образом, каждая из приведенных гипотез о принадлежности псевдонима тому или иному лицу оказывается довольно уязвимой.

В настоящее время П. Н. Берков высказал догадку о том, что Любослов — это епископ Дамаскин (Дмитрий Семенов-Руднев). В подтверждение этой гипотезы можно привести много аргументов.

Прежде всего в статьях Любослова бросаются в глаза многочисленные ссылки на Ломоносова. Последний является для критика непререкаемым авторитетом. Еще в своей первой работе — «Послании» Любослов заявлял: «Не думайте, что противуположения сии суть нечто новое, что оне суть мечта тщеславия — нет — оне основаны на правилах, приобретенных тщательным наблюдением и пронизательным исследованием преобразителя Российского слова»¹⁸ (т. е. Ломоносова). Безусловно, имя Ломоносова в то время было

¹⁴ «Собеседник», ч. VII, стр. 145.

¹⁵ Я. К. Грот. Жизнь Державина, стр. 330.

¹⁶ П. П. Пекарский. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863, стр. 78. (Приложение к III тому Зап. Имп. АН, № 6).

¹⁷ Там же, стр. 32—33.

¹⁸ «Собеседник», ч. II, стр. 117.

широко популярно, для многих он был непревзойденным образцом. И все же едва ли было много людей, которые могли так безапелляционно ссылаться на Ломоносова в спорных вопросах грамматики и стиля русского языка, как это делал Любослов. Вместе с тем известно, что незадолго до выступления Любослова, в 1778 году, Дамаскин подготовил и издал собрание сочинений Ломоносова. Это было издание, совершенно замечательное для того времени и даже превосходившее многие последующие собрания сочинений.

Теперь снова обратимся к замечаниям Я. К. Грота о том, что Любослову были не чужды и другие науки, кроме филологии. Этот факт вполне сопоставим с фактами биографии Дамаскина, который во время своего пребывания в Геттингене (1766—1773) слушал лекции по опытной физике, всеобщей и европейской истории, статистике и математике.¹⁹

Я. К. Грот указывает, что у Любослова «довольно верные сведения о славянских народах», а это было тогда редкостью. Однако Дамаскин в своем предисловии к «Библиотеке Российской» упоминает многие из тех народов, которые названы Любословом: венды, моравы, болгары, литвяне.²⁰

В Геттингене Дамаскин, избранный за свои студенческие работы в члены Исторического собрания, получил диплом, характеризующий его как «человека, в разных науках, а наипаче в исторических, хорошие сведения имеющего».²¹

Учитывая все эти биографические данные, следует, однако, отметить, что во время печатания как I, так и II части журнала «Собеседник» Дамаскин находился в Севской епархии. Вместе с тем известно, что он живо интересовался всеми событиями умственной жизни русского общества и, по-видимому, постоянно был в курсе этих событий.²² Кроме того, не исключена возможность, что в период май—июнь 1783 года Дамаскин приезжал в Петербург, тем более что вскоре (в сентябре 1783 года) был издан указ о переводе его в Нижний Новгород.

Любослов высказывает мысль о необходимости совершенствования родного языка и предлагает для этого два основных способа: 1) изучение мастерства отечественных писателей; 2) уграждение в переводах, прежде всего с греческого и латинского языков. Примерно об этом же Дамаскин говорит в своем предисловии к собранию сочинений Ломоносова.²³

Интересно также сравнить отрывок из сочинения Любослова (обративший как раз на себя внимание Я. К. Грота) с переводом Дамаскина книги Сульцера «О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение».

Любослов

Вообще нужно прилагать старание как о словах, так и о мыслях; но о последних больше, нежели о первых. Ибо сколь тень хуже тела, и сколь живописное изображение

Дамаскин

...сие [мастерство красноречия] не в качестве его выражения, не в фигурах и изображениях, но в самых мыслях. Не тот есть великий оратор, который правила риторические знает,

¹⁹ Я. Горожанский. Дамаскин, Семенов-Руднев, епископ нижегородский (1737—1795), его жизнь и труды. Киев, 1894, стр. 68—71.

²⁰ Дамаскин (Семенов-Руднев). Библиотека Российская. Памятники древней письменности, т. XI, СПб., 1881, стр. 3.

²¹ М. И. Сухомятинов. История Российской Академии, ч. I, СПб., 1874, стр. 151—153.

²² Там же, стр. 181.

²³ В кн.: М. В. Ломоносов, Собрание разных сочинений, т. I, М., 1788, л. 3 об.

уступает натуральным вещам, столь знание вещественных наук превосходит красоту речей.²⁵ но которого мысли и идеи от глубокого проникания в природу человеческую... от великого знания света и того общества, в котором он живет, ... происходят.²⁴

Конечно, первоисточником этих высказываний следует считать «Риторику» М. В. Ломоносова, с которой Дамаскин, безусловно, был прекрасно знаком. Подобные мысли выражены в §§ 46, 130, 146, 180 «Риторики». Так, например, в § 180 говорится, что «больше должно наблюдать явственное и живое изображение идей, нежели течение слов».²⁶

И Дамаскин, и Любослов признают неоспоримым, что в русском языке «письмены начались пред латинским гораздо позже»;²⁷ Любослов занимается сопоставлением слов русского и латинского языков, попытавшись даже доказать, что русский более древний язык, чем латинский. В связи с этим, заслуживает внимания указание на несохранившееся сочинение Дамаскина, самое название которого очень характерно: «О следах славянского языка в писателях греческих и латинских». Интересно свидетельство М. И. Сухомлинова об участии Дамаскина в работе над словопроизводным словарем. По поводу слова «память» в Российской Академии разгорелся спор, и Дамаскин в письменном виде изложил свое мнение по этому вопросу. Он сопоставлял русское слово «помню» с соответствующим греческим и доказывал, что разница в их значениях появилась от «разномысленного употребления сего глагола у греков и славян».²⁸ Все это очень напоминает приемы Любослова.

Однако если Любослов — это Дамаскин, то должны быть какие-то соответствия в стиле этих авторов, а главное, в их словоупотреблении. Проследить это тем более важно, что стиль Любослова, как говорилось выше, вызывал бесконечные издевательства.

Большинство насмешек касалось первого длинного периода «Начертания». В этом предложении около семидесяти пяти знаменательных слов. Начинается оно так: «Эпоха нынешнего времени, в которое лучи мысленного света, разливающиеся из общего средоточия и озаряющие с большею, нежели когда-нибудь, силою обширные Российские пределы, сильным преломлением в умах Россиян возбуждают стремительное рвение к нравственному просвещению...».²⁹ Предисловие к «Библиотеке Российской» Дамаскина, наоборот, написано лаконичным языком. Однако в проповедях Дамаскина, например в его «Слове о любви к отечеству», «Слове о средствах утешения в прискорбной жизни» и др., тоже есть достаточно длинные и торжественные периоды (достигающие сорока-пятидесяти знаменательных слов). «Начертание» — это страстное, проникнутое глубоким чувством патриотизма обращение к читателю, и в этом смысле оно, конечно, приближается к жанру проповеди. При этом нужно отметить, что упомянутый выше период — единственный в сочинении по своей длине и запутанности. Во II части, где Любослов излагает свою критику, предложения как раз совсем не длинные и очень простые по конструкции.

²⁴ Д а м а с к и н. О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение. СПб., 1774, стр. 36.

²⁵ «Собеседник», ч. VII, стр. 145.

²⁶ В. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 245.

²⁷ «Собеседник», ч. VII, стр. 151.

²⁸ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, т. I, стр. 182—183.

²⁹ «Собеседник», ч. VII, стр. 143.

Не будем останавливаться на сходстве синтаксиса и риторических приемов Дамаскина и Любослова, так как здесь проявляется часто только следование традиционным правилам. Гораздо показательнее словоупотребление.

Почти каждый раз, когда на страницах «Собеседника» заходила речь о Любослове, насмешливо повторялось прежде всего слово «средоточие», употребленное им в неудачном первом периоде. В «Ежедневной записке общества незнающих» одному этому «средоточию» посвящаются несколько страниц: «О средоточии в палате без чутья мнения были разделены, один член представлял, яко у некоторых народов средоточие колодезь или ключ. Другой оспорив говорил, что средоточие земного шара, по сказанию китайцев, есть Китайское государство. Третий толковал, будто средоточие, быв составлено из двух слов „среди“ и „точие“, свойственное мельничному действию или токарному станку, откуда натягивал сходство к оси земной, о солнечном круге и средоточии всякого круга...»³⁰ и т. д.

Очевидно, всем это слово казалось диким и странным. Действительно, оно не имело широкого употребления. В «Лексиконе» Вейсмана (1731) «Mitte», «*medium*» переводятся по-русски словами «середина», «посредство». В «Кратком словаре славянском» игумена Евгения (1784) «средоточие» приводится как устарелое слово, требующее пояснений («середняя точка в кругу, центр»). Словарь Академии Российской (1794) указывает довольно узкое его значение: «...средняя точка или точка, равно от краев отстоящая». Примеры даются только такие: «средоточие земли», «средоточие круга».

Во всяком случае это устарелое и странное для современников слово встречается у Дамаскина: «По святым их [законов] предписаниям всеобщее благоденствие и каждого сочлена спокойствие есть *средоточие* всех его действий и всех его намерений...»³¹

Кстати, можно заметить, что в статье Румовского «О системе мира», напечатанной в том же «Собеседнике», несколько раз употреблены слова «середина» и «центр», но «средоточие» не встречается ни разу.

Таким образом, употребление слова «средоточие» подтверждает предположение, что Любословом мог быть Дамаскин, хотя и не доказывает этого; тем более, что и Иван Морозов, о котором говорил Я. К. Грот, этим странным устарелым словом переводит на русский язык немецкое слово «ein Punkt» в книге Сульцера «Сокращение всех наук». Правда, других ярких соответствий в языке перевода Морозова и статей Любослова нет. Морозов даже допускает некоторые неточности в падежах, против чего так восстает Любослов.

Сравнив тексты Любослова и Дамаскина, можно указать на совпадение следующих характерных выражений: «поприще российской учености» у первого и «поприще учения», «богатство учености» у второго.³²

У обоих авторов встречаются также малоупотребительные эпитеты «мысленный» и «стремительный»: «лучи мысленного света», «стремительное рвение» у Любослова; «представим пред мысленные очи», «стремительное действие любви» у Дамаскина.³³ Даже в предисловии к «Библиотеке Российской» Дамаскина встречается такое довольно редкое, но употребленное и Любословом, слово, как «вышепоказанные».³⁴

Совпадение в самых мелких незначительных деталях иногда представ-

³⁰ Там же, ч. VIII, стр. 57.

³¹ Д а м а с к и н. Проповеди. М., 1783, стр. 30.

³² «Собеседник», ч. II, стр. 32; Д а м а с к и н. Проповеди, стр. VI, VIII.

³³ «Собеседник», ч. VII, стр. 143; Д а м а с к и н. Проповеди, стр. 131; Д а м а с к и н. Слово о любви к отечеству. М., 1776, стр. 11.

³⁴ «Собеседник», ч. VII, стр. 155; Д а м а с к и н (Семенов-Руднев). Библиотека Российская, стр. 2.

ляется особенно убедительным. Так, например, у Любослова есть древняя форма творительного падежа множественного числа: «обращать их [речения] в сложении разными *образы*». И у Дамаскина эта же форма оказалась в том же словосочетании: «Бога умиловить старались древние народы разными *образы*».³⁵ Заметим, что у Морозова в переводе есть словосочетание: «разными *способами*».

Каждое из сделанных наблюдений, вероятно, не так уж существенно само по себе. В настоящей заметке нет неоспоримых доказательств и категорических утверждений. Однако сопоставив все сказанное, нельзя не присоединиться к гипотезе о том, что псевдоним «Любослов» принадлежит скорее всего епископу Дамаскину.³⁶

³⁵ «Собеседник», ч. VII, стр. 147; Дамаскин. Проповеди, стр. 186.

³⁶ Вполне возможно, что малоизвестный Иван Морозов был воспитанником Московской духовной академии, ректором которой был Дамаскин. Отсюда, может быть, и происходят некоторые общие черты языка обоих писателей.